

ЦЕНА МОГУЩЕСТВА И МИФ ОБ УДЕРЖИВАЮЩЕМ

Эдуард Геворкян: «... Если все будут писать о разных видах будущего, то непонятно, какое оно будет. Но если все будут писать о разных видах имперского будущего... Дмитрий Володихин: (громко смеется) ... Эдуард Геворкян: Тогда будущее будет имперским».

Из стенограммы Басткона-2002¹

Темой этой статьи является цена могущества, которое обретает Россия в ряде произведений отечественных фантастов.

Взгляды того или иного автора на возможные причины могущества России во многом связаны если не с какой-либо идеологией² напрямую, то с более широким мировоззрением. Или иными словами, с некоторой парадигмой, в которой осмысливаются политические и социальные проблемы. Эта парадигма практически не рефлексирована, являясь аксиоматичной. В нее, как правило, входят традиционные положения политической науки, согласно которым приоритет получает анализ общества, экономики, культуры нации и государства. Сюда же относится ставшая в последнее десятилетие модной цивилизационная парадигма.

В данной статье мы попытаемся осветить проблематику гипотетического могущества России, применяя некоторые положения миросистемного анализа³. Как выразился один из основателей этого направления И. Валлерстайн, «это – протест против способов, которыми было структурировано для всех нас социальное научное исследование при его возникновении в середине XIX в. Этот метод исследования стал набором часто неоспоримых допущений a priori. Миросистемный анализ утверждает, что этот метод научного исследования, практикуемый во всем мире, оказал в большей степени эффект закрытия, нежели вскрытия многих наиболее важных и наиболее интересных вопросов. Находясь в шорах, сконструированных XIX в., мы не в состоянии выполнить социальный заказ, чего хотим мы и чего ждет от нас остальная часть человечества, – рационально представить лежащие перед нами реальные исторические альтернативы»⁴. Эти слова Валлерстайна одновременно являются

* Фишман Леонид Гершевич – старший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук.

¹ Дискуссия о будущем современной фантастики // <http://prokopchick.narod.ru/archive/convent/bastkon3.html>

² Фишман Л.Г. Иное будущее // <http://censura.ru/articles/russfiction.htm>

³ Тезисное изложение парадигмы миросистемного анализа см., например: Фишман А.А. Мир-системный анализ как теория геоисторических изменений // <http://abuss.narod.ru/Biblio/fisun.htm>

⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ // <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm#topic7>

ответом на вопрос: а правомерно ли использовать миросистемный подход в такой далекой от него области как анализа фантастических произведений? Кто же, как не фантасты, порой пытается «рационально представить лежащие перед нами реальные исторические альтернативы»?

Согласно положениям миросистемного анализа, изучение отдельно взятых политических систем, экономик и культур нередко затемняет и мистифицирует адекватную реальности картину вещей. Поэтому экономики, политические системы, общества и культуры имеет смысл рассматривать только в контексте больших «исторических систем», каковой является, в частности, современная капиталистическая миросистема. То, что кажется естественным и привычным с точки зрения разделяемых большинством писателей аксиом социальных наук XIX столетия, выглядит совершенно по-другому с точки зрения миросистемного анализа.

Другими словами, нам придется сформулировать вопрос так: каким образом объективное положение России в капиталистической миросистеме выражается в представлениях фантастов о возможности для нашей страны достичь могущества? И далее, какой смысл это положение придает некоторым популярным представлениям об исторической миссии России – прежде всего имеющему давнюю историю «мифу об удерживающем»?

Мечта о мир-империи

Популярность имперской темы в отечественной фантастике уже давно ни для кого не является секретом. И можно с уверенностью утверждать, что очень многие отечественные фантасты видят могущественную Россию как мир-империю, тип политического образования, для которого главными являются силовые аспекты могущества, возможность навязать свою волю остальным или же противостоять их воле. Формула могущества мира-империи – это формула автаркичного, самодостаточного в экономическом плане или даже подчиняющего себе мир-экономику государства. Мир-империя по определению должна бороться с другими мир-империями, вообще – с окружением. Или отгородиться от них. Около 500 лет назад капиталистическая мир-экономика начала разрушать и подчинять себе привычные мир-империи, в том числе и Российскую. Мир-экономики, в отличие от мир-империй, представляют собой прежде всего объединенные экономические цепи производства, которые существуют поверх многочисленных политических границ. Мир-экономики интегрируются скорее экономически, чем политически: в отсутствие централизованного контроля экономические агенты обладали большей свободой в накоплении богатств. Политические образования внутри мир-экономики способствовали разделению труда и неравному распределению в масштабах всей системы. Основная

логика мир-экономики заключается в том, что аккумулируемая прибыль распределяется неравномерным образом в пользу центра, а не периферии, системы, то есть тех, кто способен достигнуть различных видов временных монополий в рыночных сетях. Такова и современная капиталистическая мир-экономика, находящаяся в основании современной миросистемы. Теперь, по мнению многих исследователей, прежде всего И. Валлерстайна, эта миросистема вступила в полосу кризиса и, вероятнее всего, развала. И это в конечном счете является главной причиной популярности варианта старой доброй мир-империи (и вообще имперской темы) в отечественной фантастике.

В наиболее чистом виде мы встречаем такой вариант у Х. Ван Зайчика с его огромной и совершенно самодостаточной европейско-азиатской империей, включающей себя русские и китайские земли и воспринимающей остальных как варваров. (У В. Рыбакова, как составляющей части Ван Зайчика, в «Гравилете цесаревиче» весьма сходная идиллия). В злотниковском «Армагеддоне» таковой же становится Российская Империя, включая в себя едва ли не всю Европу и Африку. Россия в «Сверхдержаве» А. Плеханова тоже не слишком нуждается в остальном мире и берется решать его проблемы скорее в силу желания ее новых вождей. Россия П. Крусанова («Укус ангела»), получив таки Константинополь в одной из предшествующих войн, ввязывается в войну со всем миром только потому, что ее новый лидер одержим своим великим мистическим предназначением.

Параллельный мир Ф. Березина («Параллельный катаклизм») с доминирующим СССР вообще представляет собой классическую картину столкновения двух мир-империй на развалинах КМС, причем СССР в силу новых территориальных приобретений более чем самодостаточен. У Е. Чудиновой («Мечеть Парижской Богоматери») сильная, сохранившая христианскую культуру Россия, противостоит «полумировому господству» ислама, причем в отсутствие прочих традиционных конкурентов – США и Европы. Так, вероятно, проявляется тайная мечта российских «мир-империалистов»: чтобы конкуренты ненароком сошли со сцены сами, а Россия осталась единственно цивилизованным, могучим и, главное, уцелевшим «Третьим Римом», за которым «четвертому» уже не бывать. Примерно в том же положении находится и возрожденный СССР у А. Шубина («Ведмино кольцо. Советский Союз XXI века»): могучий гигант на фоне упавших США и Европы и стремительно расширяющегося исламского Халифата.

Мышление в парадигме мира-империи (а именно к ней сводится наложение триады «нация-общество-государство» на проблематику гегемонии) исключает вопрос о глобальной справедливости (справедливого мироустройства). Сильный и развитый другим ничем не обязан, а обязан только самому себе. Не может быть и мысли о том, что кто-то платит за его процветание. Мир-империя на то и

мир-империя, что не является частью капиталистической миросистемы, то есть не эксплуатирует периферию и не является объектом чужой эксплуатации. Поэтому она не обязана заботиться о периферии, предлагать ей какие-то проекты развития и т.д. Ей достаточно хорошо выучить, по выражению Е. Холмогорова, «азбуку национализма»: ксенофобия – естественная основа поведения; не допускать к власти и собственности чужаков, править самим; если можешь – расширяйся, не можешь – обороняйся. Заботиться об остальном мире мир-империя будет разве что тогда, когда завоюет его весь. Но это из области фантастики.

Иначе говоря, в парадигме мир-империи цена могущества – это цена справедливости для всего мира. И баланс справедливости вовсе не обязательно устанавливается в пользу окружения: только в случае овладения всей ойкуменой империя обязана установить в ней некий минимум процветания.

Никому не будет хуже?

Но вопрос справедливости не ставится и в другом случае: в случае, который условно можно назвать присоединением-коррекцией. Что это означает? Это означает только то, что Россия когда-то сошла с некоего магистрального (европейского) пути развития, а теперь на него вернулась. Или не теперь, а значительно раньше – в том или ином варианте альтернативной истории. Или не вся вернулась, а только ее часть, демонстрируя прочей России образец для подражания. Или же ее вернули насильно путем внешнего завоевания.

В качестве примеров можно привести А. Лазарчука («Все способные держать оружие») с его завоеванием СССР гитлеровской Германией, которая потом приобретает человеческое лицо; В. Звягинцева с расколом послереволюционной России на буржуазный Крым и остальную советскую часть; Д. Шидловского («Орден») с его тщательно выпестованной чуть ли не со времен крестовых походов Североссией; Д. Березинского («Легенды зачернодырья») с его альтернативным вариантом реставрации Софьи на московском престоле и последующими реформами, приводящими Россию в лоно цивилизованного мира. Наиболее цинично мечта о вхождении в клуб избранных выражена у Ю. Никитина («Земля наша велика и обильна»): банальное присоединение России к Америке. Еще один альтернативно-исторический вариант присоединения к клубу сильных находим у Б. Орлова, А. Кошелева и А. Авраменко («Смело мы в бой пойдем!»): фашистская Россия в союзе с фашистскими Германией и Италией вступает в схватку с Антантой с целью пересмотра итогов первой мировой войны. Сбываются сразу две мечты: и присоединение к цивилизованным нациям, и удовлетворение имперских амбиций.

Во всех таких вариантах Россия просто присоединяется к центру миросистемы и на том Шехерезада прекращает дозволенные речи. В области недозволенных речей остается игнорируемый факт: присоединяясь к центру миросистемы, Россия вместе остальными странами центра начинает эксплуатировать периферию. Нас приняли в клуб сильных и богатых и мы этому радуемся, тут же забывая как возмущались несправедливости, когда другие наживались на нас самих.

Казалось бы, что плохого в том, что Россия наконец-то войдет в когорту «цивилизованных стран» и будет процветать? Не к господству над миром она стремится. От такого процветания никому хуже не станет.

Однако это неправда или, по крайней мере, до сих пор не являлось правдой. Вариант процветания не менее эгоистичен и потенциально катастрофичен по отношению к прочему миру, чем вариант откровенной гегемонии. В рамках капиталистической миросистемы одни богаты потому, что другие бедны. С периферии капиталы перекачиваются в центр миросистемы и оттого периферия никогда центра не догоняет. Игнорирование этого факта – свидетельство ограниченности кругозора интеллектуалов, озабоченных благом только своей страны и не желающих понять, что выбор даже «правильного» «магистрального пути» в действительности создает в рамках миросистемы противоречия, которые рано или поздно разрешатся большой кровью. Это фактически призыв к процветанию за чужой счет, который все еще продолжает звучать у некоторых отечественных фантастов.

Вообще говоря, в таком безо всякой задней мысли игнорировании «проклятой стороны вещей» проявляется моральный и мировоззренческий коллапс, поразивший разлагающуюся КМС. Либерализм с его модернизационными проектами для всего мира потерпел крушение, та же участь постигла и его советско-коммунистического партнера. В осуществимость этих обещаний модернизации больше на периферии никто не верит. Теперь на периферию все чаще ездят на танке или пролетают над ней в стелсе. Если только она сама не приходит в гости в виде иммигрантов с Ближнего Востока. В такой ситуации о чем можно мечтать? Да все о том же: либо вскочить в уходящий поезд и еще какое-то время понаслаждаться благами в компании сильных и богатых, или же отгородить себе угол автаркичной мир-империи и переждать наступающий хаос. Причем одно другому не мешает.

Мы не успели еще насладиться благами либерализма и причастности к центру миросистемы (да кто нам бы и дал?), а уже приходится искать аварийный выход. И тут у нас есть богатая имперская традиция, примкнув к которой можно особенно не напрягать мозги – в том числе и в плане ее идеологическо-мифологического оправдания. Особенно если воспринять эту традицию формально, без присущей ей богословской нагрузки. О чем идет речь?

Миф об удерживающем

К. Крылов не без основания замечает, что русская фэнтези так и не смогла до сих пор оформиться в полноценный жанр потому, что у нее нет своего цивилизационного мифа, аналогичного артуровскому или восточному (прогресса или самобытной древности)¹. Если у нас есть миф, то это миф выживания в тени могучей западной культуры и в присутствии враждебного Востока. До известной степени этот вывод верен и для остальной фантастики, так или иначе затрагивающей вопрос о возможном могуществе России. В том плане, что речь идет прежде всего о выживании и самоутверждении. А для этого порой и требуется искусственно создавать какой-то политико-технологический миф. Тем более, что такие мифы нам хорошо известны – от Третьего Рима и петровского государственничества до православия-самодержавия-народности и социалистической революции. Правда, это в основном «оборонительные» мифы. Если же в гипотетическом варианте будущего или прошлого речь заходит об обретении превосходящего могущества, то нужен другой миф, «наступательный». А его в готовом виде у нас нет. Поэтому заимствуется какая-нибудь идеология или вариация западного или восточного мифа.

Но на самом деле такой миф у нас давно есть. Это православный вариант мифа об «удерживающем»: «...мы не даем миру закончить самоубийством, мешаем всяческим попыткам самоуничтожения (причем как в материалистическом смысле, так и в апокалипсическом – удерживающем). Россия – тяжелая, неповоротливая машина, не дающая миру сорваться с цепи, придавливающая его. Мы – тот груз, который не позволяет неустойчивому корыту человечества перевернуться в набегающих волнах исторического и технологического прогресса. Разработкой этого (или другого) сакрального концепта в художественных подробностях и займется православная фантастика

В этой связи большое поле для творчества, в том числе прогностического, предоставляет перспектива вероятной большой войны против России»².

На этот миф органично ложится имперская риторика. «Удерживающая» империя противостоит нарастающему хаосу всеми средствами. Даже само ее существование – это преграда скорому наступлению Апокалипсиса, сопротивление приближающим его ложным ценностям антихристианской культуры Запада. Но это *полный* вариант мифа, оправдывающий империю и, что особенно важно, подразумевающий гигантскую ответственность. А в условиях морального коллапса гибнущей миросистемы вопрос об ответвен-

¹ Крылов К. О фэнтези // <http://www.traditio.ru/dixi/35.htm>

² Иртенкина И. Императив будущего // <http://www.pravaya.ru/look/6060?print=1>

ности (заботе обо всем мире) как-то не ставится. О нем забывают, и остается урезанный, полностью секулярный вариант мифа, в котором миссия империи сводится к собственному выживанию. Урезанный вариант – это то, что остается после отбрасывания православной символики, то есть обычный сценарий развала миросистемы и формирование на ее обломках мир-империй.

Тем не менее, миф об удерживающем все-таки присутствует, хотя и в ослабленном варианте.

Так, например, у Е. Чудиновой Россия настолько сильна, что ислам с нею открыто ссориться не желает. Примерно то же у А. Шубина. Возрожденный Советский Союз с его оригинальным политическим и общественным строем – не только оазис стабильности и научно-технического прогресса в раздираемом противоречиями мире. Это еще и противовес хаосу. Одним своим дипломатическим вмешательством Союз спасает Европу от разгрома могучим Халифатом. В альтернативном мире Х. Ван Зайчика евразийская империя уже в силу своей огромности стабилизирует мир. У А. Плеханова возрожденная сверхдержава также выступает примирителем враждующих сторон и организатором нового мирового порядка. (Уже у Э. Геворкяна в его знаменитых «Временах негодяев» восстановление империи видится как приемлемая альтернатива окружающего русские земли хаоса мира после катастрофы.)

Другая ипостась мифа об удерживающем – это его противоположность, негативный вариант. В этом варианте Россия сама является инициатором хаоса или, по крайней мере, подталкивает мир на край пропасти, вместо того чтобы его удерживать. Такова Россия у П. Крусанова, до известной степени – у Р. Злотникова в «Армагеддоне» или у Ф. Березина в «Параллельном катаклизме». У Ю.М. Брайдера и Н.Т. Чадовича («За веру, царя и социалистическое отечество») обнаруживаются целых три альтернативно-исторических варианта хаотизирующей мир России. Языческая Русь – мировой разбойник, применяющий ядерное оружие направо и налево. Казацкая Русь (после победы Пугачева) ничуть не лучше (использует технологию создания «черных дыр» на территории противника). Республиканская буржуазная Россия – зарвавшийся мировой жандарм, одним махом стирающий с лица земли Китай. Во всех случаях – почти апокалипсис.

При этом трудно различить, где заканчивается позитивный вариант мифа об удерживающем и начинается его противоположность. Иначе говоря: где Россия прекращает хаотизировать мир и начинает вновь его упорядочивать.

Там же, где вообще нет проблематики удерживающего, наступает время «России для себя». И этот вариант нередко связан с фашизмом или, как удачно выразился В. Лещенко¹, с гитлерофиль-

¹ См. подробнее: *Лещенко В.* Гитлерофилы нашей фантастики, или ква вадис, инфекция?! -<http://www.graa.ru/lit.php?cr=141>

ством, хотя в гитлерофильских произведениях речь далеко не всегда идет напрямую о вставшей на фашистский путь России (как у Лазарчука или Орлова, Авраменко, Кошелева).

Принципиальна тут даже не эстетизация фашизма и не то, что он представляется либо лучшим по сравнению с коммунистическим вариантом развития, либо равноценным ему. Соль в том, что *фашизм просто вполне достойный вариант в борьбе за лучшее место для себя в мире*. «Гитлерофилы» в российской фантастике пытались реализовать привлекательный, но эгоистический вариант России или же любого иного государства «для себя». Из-за почти всеобщего увлечения риторикой национальной, культурной, цивилизационной и прочей идентичности, такой вариант казался и до сих пор многим кажется не совсем уж неприемлемым. Если палка перегибается, то в верном направлении.

Но чем было это увлечение риторикой идентичности, из которой вытекло гитлерофильство многих наших фантастов? В сущности, это было следствием морального коллапса русской и советской культуры, который в свою очередь явился следствием общего морального коллапса либерально-гуманистической легитимации капиталистической миросистемы. Потеря универсальных критериев и разочарование в прогрессистской риторике привели к возрождению моды на критику культуры и цивилизационный подход со всеми вытекающими отсюда соблазнами. В том числе и фашистским соблазном плюнуть на мир и заняться только собственным самоутверждением.

Мир сам виноват

Подведя предварительные итоги, мы имеем три концепции возможного могущества России:

- мира-империи;
- присоединения к гегемонам наличной миросистемы;
- «фашистского соблазна» (она, правда, может рассматриваться и как разновидность концепции присоединения к гегемонам, ибо в ней без труда обнаруживается та же эгоистическая логика, но только маскируемая либеральной риторикой).

Все три вытекают из объективного полупериферийного положения России в капиталистической миросистеме. Пока миросистема устойчива, России поневоле приходится включаться в нее. В то же время, чем прочнее Россия интегрируется в капиталистическую миросистему, тем больше накапливается издержек в виде сырьевой ориентации экономики, неравномерности развития ее различных секторов, нарастающий вывоз капитала за границу (знаменитая «петля Паршева» в действии). И все это сопровождается нарастанием социальных противоречий, активным участием в войнах за гегемонию в миросистеме ... только не России, конечно, а Англии или США. В такой ситуации естественно желать изменить положение

на более выгодное: присоединиться к гегемонам или хоть к центру миросистемы или, еще лучше, воспользоваться очередным ее кризисом для основания собственной мир-империи. Что и отражается в отечественной фантастике.

При этом мечта о мир-империи выглядит гораздо более привлекательной и является более распространенной, чем мечта о присоединении к центру или фашистский соблазн (как ее разновидность). Как ни парадоксально, мечта именно о мир-империи – это отражение объективной слабости России и неверия в то, что Россия когда-нибудь станет достаточно сильной, чтобы основать центр новой, более справедливой и гуманной миросистемы, чем та, которая уходит в прошлое (Злотников и Плеханов – редкие исключения).

Вот тут-то и проясняется значение привычного нам мифа об удерживающем. Какой бы смысл у него ни был в прошлом, в настоящем он оборачивается мечтой о своего рода «удерживающей гегемонии». Суть ее не столько в том, чтобы переустроить мир ради общего блага, сколько в том, чтобы удержать его от впадения в окончательный хаос. Чтобы он не помешал ненароком процветанию нашей вполне самодостаточной мир-империи. Нам хочется думать, что от нашего процветания никому хуже не станет. Что за беда, если в мире дела будут идти настолько плохо, что он окажется неспособным угрожать России в военном отношении, обгонять технологически и т.д.?

Так ведь мир сам в этом виноват.